

Дата статуэтки определяется и качеством ее тонко промытой архаической глины и всей архаической ее формой. Она всецело входит в круг очень широко распространенных именно в архаическое время статуэток богини в стефане или калафе, с которого спадает на спину и плечи покрывало, и в узком, обтягивающем тело хитоне, сидящей на троне, положив руки на колени и поставив ноги на скамеечку и восходит к типу статуй милетских Бранхидов, которые датируются 2-й четвертью VI в. до н. э.¹

Находка этой статуэтки на о. Березани свидетельствует о существовании во 2-й половине VI в. до н. э. на о. Березани культа Артемиды Бравронской, покровительницы диких животных и расширяет наши представления о почитании Артемиды на северном побережье Черного моря, засвидетельствованном источниками в Херсонесе, Ольвии, Пантикапее, Фанагории, на Тамани.

М. М. Кобылина

Уникальный сассанидский сосуд из-под Кунгура

Применяемая колхозами глубокая тракторная вспашка заметно повысила у нас количество случайных археологических находок, в частности, количество находок восточного серебра в Прикамье. Таково, например, происхождение замечательного Аниковского клада массивных серебряных блюд из Чердынского района, опубликованного в 1937 г. К. В. Тревер².

После Великой Отечественной войны в посмертной статье Н. А. Прокошева³ отмечен и частью издан целый ряд находок этого рода, хранящихся в Кировском, Горьковском и Чердынском музеях, в том числе замечательная серебряная чаша из-под с. Ильинского, поступившая в Молотовский областной музей и переданная затем Эрмитажу. Наконец, А. П. Смирновым⁴ опубликован новый сассанидский золотой сосуд, сданный в 1943 г. на скупочный пункт в г. Молотове неизвестным гражданином и поступивший затем в Государственный исторический музей в Москве.

Летом 1947 г. у с. Бартым Березовского района Молотовской области, в 35 км от г. Кунгура, плугом, пущенным на глубину 22 см, был пропорот конец ладьевидного серебряного сосуда. Однако плуг не разорвал несколько утолщенного края сосуда и, видимо, довольно долго ехал в серебряной ладье, пока подошедший бригадир колхоза остановил трактор. В конце октября сосуд был доставлен трактористом Хабиром Капизовым в Молотовский областной музей.

Сосуд имеет правильную ладьевидную форму, близкая к которой в специальных изданиях обозначается как ложчатая. Длина его 26 см, ширина 9,2 и высота 6 см. На дне—следы припая от сорванного (вероятно, при движении за плугом) овального поддона—подставки. Ширина припая 6,5—8 мм. Толщина стенок около 2 мм, минимально—несколько более 1 мм. Края округлы, толщиной в 3 мм. Наружная поверхность сосуда покрыта рельефными изображениями.

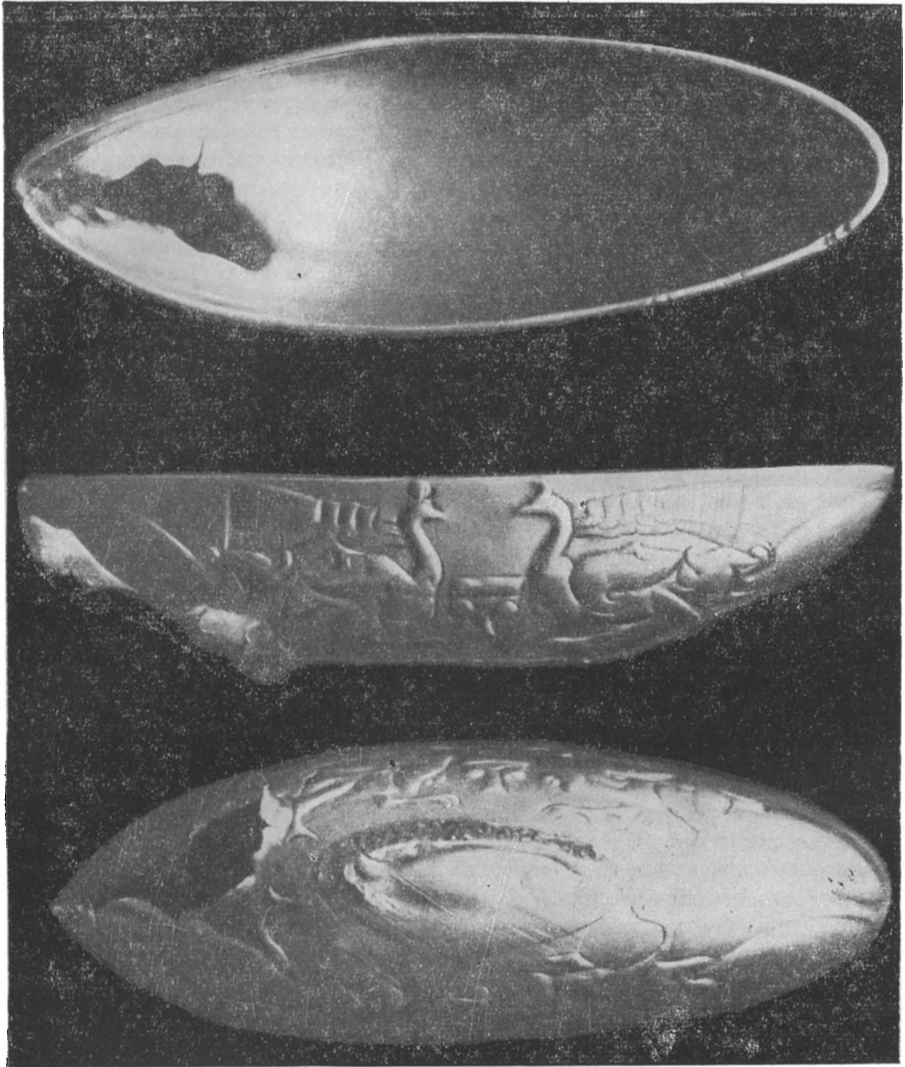
Сосуд испорчен плугом, пропоротившим один его конец. Наружная поверхность его и часть рельефных изображений сильно поцарапана и стерта. Впрочем, все эти повреждения, если не говорить об утраченной подставке, несущественны благодаря дублированию симметрично расположенных фигур.

¹ ВДИ, 1940, 3, рис. 7; 1947, 3, рис. 2.

² К. В. Тревер. Новые сассанидские блюда Эрмитажа. М.—Л., 1937.

³ Н. А. Прокошев. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев, Кр. Сообщ. ИИМК, XII, 1946.

⁴ А. П. Смирнов. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного исторического музея, ВДИ, № 1, 1946. А. П. Смирнов. Новый сассанидский золотой сосуд из Молотовской области, Кр. Сообщ. ИИМК, XIV, 1947.

Серебряная чаша, найденная в 1947 г. у с. Бартым.

Сосуд изготовлен из серебра. Вес около 700 граммов. На наружной поверхности у основания рельефов, т. е. в наиболее предохраненных от стирания местах—остатки тонкой позолоты. Техника изготовления предварительно определена как отливка с последующей шлифовкой поверхности и чеканкой деталей.

На наружной поверхности с каждой стороны—рельефные фигуры двух павлинов, обращенных друг к другу. Между каждой парой—небольшой сосуд на ножке. Все четыре фигуры идентичны, но выполнены индивидуально, отличаясь друг от друга отдельными деталями и главным образом размерами этих деталей. Каждая фигура включает несколько других изображений. На спине птиц, заменяя сложенные крылья, изображено в профиль человеческое лицо с довольно длинным прямым носом, большой бородой (в одном случае с небольшой бородой), в высоком головном уборе. На груди птицы также человеческое лицо в профиль, без бороды, с выступающим носом и мясистыми губами. Внизу, перед ногами—третье, но слабо

намеченное лицо; в одном случае это нижнее изображение больше напоминает голову слона благодаря длинному очертанию носа,—вернее, хобота. Бедренная часть обращенной к зрителю ноги дана в виде рыбы, с раздвоенным хвостом. Задняя часть туловища представляет собой голову хищника с раскрытой пастью и большими, острыми зубами. Хищник глотает большую рыбу (?), заменяющую хвост птицы; на рельефе рыбы—хвоста еще заметны гравированные кружки с глазками, напоминающие по рисунку нарядные перья на хвосте павлина, а отчасти и рыбью чешую. Ноги птицы имеют характерные «шпоры». Вокруг шеи как бы обернут, завязан своеобразный шарф, складки и широкие концы которого развеваются над спиной. К этому следует добавить, что на дне чаши, в овале припая оторванной полкой подставки—крушной рельеф рыбы.

Перелистывая альбомы изделий из восточного серебра А. П. Смирнова (1909) и И. А. Орбели и К. В. Тревер (1935), нетрудно убедиться, что бартымская находка не имеет прямых аналогий ни по форме, ни по характеру изображений. Это обстоятельство затрудняет ее определение и датировку; к тому же, хронология этого рода предметов вообще еще недостаточно разработана.

Все же бартымская чаша может быть по ряду признаков отнесена к числу изделий сассанидского Ирана. Среди сассанидского металла имеются близкие формы серебряных, серебряных с позолотой и золотых ложчатых чаш на полых овальных ножках. Но форма этих чаш, приближаясь к овалу,—вычурна¹, тогда как форма нашей чаши отличается предельной простотой. Наиболее близка бартымской серебряная ложчатая чаша, также с несохранившейся ножкой, имеющая на дне следы припая (как и у бартымской) рельефного изображения рыбы (там же, табл. 57, фиг. 1). Между прочим, эта чаша найдена также в Кунгурском уезде, у дер. Кулагыш.

Изображения рыб, хоть и не часты, но не раз встречаются на сассанидской посуде². Птицы—также известный мотив в сассанидском металле. Их фигуры воспроизводятся формой водоплавающих (гусь, утка), встречаются и в виде рельефов (там же, табл. 28, 29, 33, 65, 80, 81). В отдельных случаях встречается вполне аналогичная нашей передача характерных лап птицы.

Особенно интересен фазан, несущий в клюве ожерелье (там же, табл. 28), при этом за головой фазана развевается аналогичный нашему шарф, лишь более схематично поданный. Однако на изданных сассанидских сосудах мы не нашли ни одного изображения, составленного из других изображений, как у нас, и представляющего сложную символику.

Подходя в вопросу о датировке бартымской чаши, мы сравнили ее с датированными сассанидскими находками, каковыми являются монеты и блюда с фигурами, так сказать, опознанных царей. При этом мы обратили особое внимание на профили человеческих голов и своеобразный шарф за головой.

Сличение профилей бартымской чаши с сассанидскими монетами показывает наибольшую близость с монетами Арташира I Папакана, Нарсе и Ормузда II. Сравнение с фигурами царей на блюдах дает более близкое сходство. В особенности это можно сказать о парях: Варахране I (там же, табл. 4), Шапуре II (там же, табл. 5, 6), Шапуре III (там же, табл. 7, 8, 9) и Бахраме Чубине³. Однако подобные сопоставления недостаточно надежны, тем более, что лица на бартымской чаше—не обязательно лица царей. Так, наши профили очень похожи (головные уборы, бороды) также на головы военачальников, окружающих царя Хосрова I Ануширвана на блюде из Стрелки Кунгурск. у.⁴ Эти сопоставления лишь подтверждают сассанидское происхождение бартымской чаши.

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сассанидский металл, 1935, табл. 57, 58, 63

² Там же, табл. 33; Я. И. Смирнов, Восточное серебро, 1909, табл. 289 (также из Кунгурского уезда) и 153 (последний сосуд хранится в Молотовском обл. музее).

³ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, 1909, фиг. 287.

⁴ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сассанидский металл, 1935, табл. 13.

Интереснее для датировки своеобразный шарф, прикрепленный к шее фазана. На сассанидских сосудах вполне аналогичные шарфы встречаются нередко и являются принадлежностью царского костюма, они развеваются за спиной, будучи прикреплены к головному убору, к поясу, за плечами (там же, табл. 4—17), а иногда даже, в миниатюрных размерах, к царскому луку и сбруе царского коня (там же, табл. 14). Принадлежность их именно к царскому убранству подчеркивается в фигурах, переданных en face: находясь на спине и будучи в таком положении не виден, шарф естественно приподнят художником по обеим сторонам головы (там же, табл. 16). Шарф всегда имеет два конца, каждый из которых завершается, видимо, тяжелой вышивкой трапецевидной формы.

Итак, описываемые шарфы в датированных изображениях царей налицо у Варахрана I, Шапура II, Шапура III, Бахрам Гура и Хосрова I Ануширвана. По форме и передаче деталей обращает на себя внимание близость к нашему бартымскому—шарфа у Бахрам Гура (там же, табл. 10), еще более у Варахрана I (там же, табл. 4) и в особенности у Шапура III (там же, табл. 7). Принимая также во внимание указанное сходство между Варахраном I и рельефами головы на спине павлина, можно предварительно датировать нашу бартымскую чашу эпохой Варахрана I—Шапура III, т. е. промежуток времени от 273 до 388 г., и не позднее царствования Бахрама Гура (420—438 гг.). Вероятнее всего, она изготовлена в IV веке.

Более детальный анализ этого вопроса, так же как изучение семантики рельефов бартымской чаши, мы передаем специалистам.

Осенью 1947 г. студентами Молотовского университета было произведено обследование места находки у с. Бартым. Оказалось, что на том же поле в 1925 г. было найдено серебряное блюдо. Следов культурного слоя не обнаружено. Рядом открыта группа кургавов, грунтовой могильник; собраны сведения о монетных кладах; в 5 км находится городище с хорошо сохранившимся валом. Все это говорит о необходимости постановки там серьезных археологических исследований. Последние намечаются Молотовским университетом на лето 1948 г.

О. Н. Бадер

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Научная сессия по археологии Закавказья

В конце января в Ленинграде происходила объединенная научная сессия ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР и Государственного Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья.

В работе сессии приняли широкое участие научные работники РСФСР, Азербайджанской, Армянской и Грузинской Союзных Республик. На заседаниях присутствовали представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Баку, Еревана, Тбилиси, Краснодара, Ставрополя, Поти и др. Всего на сессии было прочитано 37 докладов, посвященных разнообразным вопросам древней и средневековой истории Кавказа. Кроме пленарных заседаний, на которых было прочитано 11 докладов, происходили заседания секций: древней, античной и средневековой истории, на которых были поставлены еще 26 докладов. Сессию открыл член-корр. АН СССР А. Д. Удалцов. Со вступительным словом выступил академик И. А. Орбели. Он отметил огромное значение сессии, которая должна подвести итоги большой работе, проделанной советскими учеными, занимающимися изучением истории Кавказа. Он выразил надежду, что совместные обсуждения важнейших исторических проблем дадут большие результаты и принесут пользу дальнейшему развитию советской науки.

Доклад «Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья» сделал член-корр. АН Армянской ССР—Б. Б. П и о т р о в с к и й (Ленинград, Ереван). Он дал краткий обзор археологических работ, проводимых в Закавказье с конца XIX в., затронул вопросы истории и развития на ранних этапах народов